

АЗБУКА
БЕСТСЕЛЛЕР

Книги
Дэвида Николса

Вопрос на десять очков

•

Мы

•

Дублер

•

Один день

ДЭВИД НИКОЛС

ОДИН ДЕНЬ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Н 63

David Nicholls

ONE DAY

Copyright © David Nicholls, 2009

This edition is published by arrangement with
Curtis Brown UK and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского Юлии Змеевой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-17369-9

© Ю. Ю. Змеева, перевод, 2011
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

*Максу и Роми, прочтите,
когда вырастете.
И, как всегда, Ханне.*

Зачем нужны дни?
Дни — это место, где мы живем.
Они приходят и будят нас
Снова и снова.
Каждый день мы должны быть счастливы,
Ведь где еще нам жить, как не здесь?
О, ответ на этот вопрос
Приносят священник и врач.
В длинных пальто
Они спешат к вам по полям.

Филип Ларкин. Дни

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1988–1992

20–25 лет

То был памятный для меня день, потому что он произвел во мне большую перемену. Но так случается с каждым. Представьте себе, что из вашей жизни вычеркнули один особенно важный день, и подумайте, как по-иному повернулось бы ее течение. Вы, кто читает эти строки, отложите на минуту книгу и подумайте о той длинной цепи из железа или золота, из терниев или цветов, которая не обвила бы вас, если бы первое звено ее не было выковано в какой-то один, навсегда памятный для вас день.

Чарльз Диккенс. Большие надежды.

Перевод М. Лорие

Глава 1

БУДУЩЕЕ

Пятница, 15 июля 1988 года

Рэнкеллор-стрит, Эдинбург

— Мне кажется, самое важное — оставить след, — рассуждала она. — То есть, понимаешь, действительно что-то изменить.

— Изменить мир?

— Не весь мир, нет. Тот маленький кусочек мира, что вокруг нас.

Минуту они лежат молча, прижавшись друг к другу на односпальной кровати, потом одновременно смеются хриплыми предрассветными головами.

— Невероятно, что я несу. — Она качает головой. — Такая банальность, верно?

— Есть немного.

— Но я пытаюсь тебя воодушевить! Вдохнуть немного возвышенного в твою приземленную душу, прежде чем ты начнешь свое великое путешествие. — Она обращает к нему лицо. — Только вот нужно ли это тебе? Наверняка твое будущее уже аккуратно расписано по пунктикам. Возможно, у тебя даже где-нибудь календарик завалился с пометками.

— Едва ли.

— Тогда чем ты собираешься заниматься? Каков твой грандиозный план?

— Ну, мои родители заедут за моим барахлом, отвезут к себе, и я пару дней поживу у них в лондонской квартире, повидаюсь с друзьями. Потом во Францию...

— Очень мило...

— Потом, может быть, в Китай, поглядеть, откуда столько шума, после чего, наверное, Индия, попутешествую там немного...

— Увидеть мир, — проговорила она со вздохом. — Это так предсказуемо!

— А что ты имеешь против?

— По мне, так это бегство от реальной жизни.

— По мне, так все только и думают о реальной жизни, — сказал он в надежде, что это прозвучит пессимистично и загадочно.

— Наверное, если тебе это по карману, ничего плохого в путешествиях нет, — фыркнула она. — Но почему просто не сказать: «Я еду отдыхать на два года»? Это же одно и то же.

— Потому что путешествия расширяют горизонты, — ответил он, приподнявшись на одном локте и целуя ее.

— На мой взгляд, твои горизонты и так чересчур широки, — заметила она и отвернулась, хотя всего на секунду; они снова откинулись на подушку. — Вообще-то, я имела в виду не то, что ты делаешь через месяц, а будущее, совсем далекое будущее, когда тебе будет, не знаю... — Она задумалась, точно в голову ей пришла непостижимая мысль, вроде идеи существования пятого измерения. — Сорок или около того. Чем ты хочешь заниматься в сорок лет?

— В сорок лет? — Казалось, сама мысль об этом представлялась ему невозможной. — Понятия не имею. Ничего, если я отвечу, что буду богатым?

— Как несерьезно!

— Ну хорошо, тогда знаменитым. — Он поцеловал ее в шею. — Звучит ужасно, правда?

— Не ужасно... Интересно.

— Интересно! — повторил он, передразнивая ее мягкий йоркширский говор.

Пытается выставить ее дуручкой. Ей не впервой такое слышать: богатенькие мальчики, говорящие

смешными голосами, будто акцент — это что-то чудное и старомодное. И не впервые она испытала знакомую дрожь неприязни к нему. Высвободившись из его объятий, она прислонилась к холодной спинке кровати:

— Да, интересно. Нам же должно быть любопытно. Столько возможностей! Помнишь, что сказал проректор? «Тысячи возможностей распахнули свои двери перед вами...»

— «Это ваши имена мы увидим в завтрашних газетах...»

— Сомневаюсь.

— Так, значит, тебе любопытно?

— Мне? Боже, нет, конечно! Я боюсь подумать о том, что будет в сорок лет.

— Я тоже. С ума сойти... — Он вдруг повернулся и потянулся за сигаретами, лежащими на полу возле кровати, будто ему срочно понадобилось успокоить нервы. — Сорок лет. Сорок. Уму непостижимо!

Улыбнувшись при виде его смятения, она решила подлить масла в огонь:

— Так все-таки чем ты будешь заниматься в сорок лет?

Он задумчиво закуривает:

— Понимаешь ли, Эм...

— Эм? Что еще за Эм?

— Тебя так называют. Сам слышал.

— Меня друзья так называют.

— Так, значит, и мне можно звать тебя Эм?

— Валяй, Декс.

— Итак, поразмыслив над идеей взросления, я пришел к выводу, что хочу остаться таким же, как сейчас.

Декстер Мэйхью. Она смотрела на него сквозь упавшую на лицо прядь волос, опираясь на обтянутую стеганным винилом спинку дешевой кровати, и даже без очков видела, почему он хочет остаться та-

ким же, как и сейчас. У него была одна особенность: он всегда выглядел так, будто позирует для фото. Вот и теперь: глаза закрыты, сигарета приклеена к нижней губе, утренний свет, проходящий сквозь красный фильтр занавесок, окрашивает в теплый тон одну сторону лица. «Красавец». Глупое слово из XIX века, по мнению Эммы Морли, но иначе и не сказать, разве что просто: «Красивый». У него было такое лицо, глядя на которое легко представить форму костей; казалось, даже его голый череп выглядел бы мило. Тонкий, немного лоснящийся нос; темные круги под глазами, почти синяки, — знак отличия, память о выкуренных сигаретах и бессонных ночах, проведенных за игрой в поддавки в стрип-покер с девчонками из частной школы «Бидейлс». Было в нем что-то кошачье: тонкие брови, самодовольно выпяченные губы, полные и, пожалуй, слишком темные, но сухие и потрескавшиеся, фиолетовые от болгарского красного вина. К счастью, хотя бы его прическа была хуже некуда: коротко остриженные волосы сзади и по бокам и нелепый хохолок спереди. Если даже Декстер использовал гель, то он давно выветрился, и теперь хохолок распушился и торчал, похожий на дурацкую маленькую шляпку.

По-прежнему не открывая глаз, он выпустил дым через нос. Видимо, он знал, что она на него смотрит, потому что сунул одну руку под мышку и напряг грудные мышцы и бицепсы. И откуда у него мышцы? Не от занятий спортом уж точно, если купание голышом и бильярд спортом не считать. Наверное, просто хорошая наследственность, что передается из поколения в поколение вместе с акциями и антикварной мебелью. Ну, значит, и вправду красавец или просто красивый парень в спущенных до бедер трусах-боксерах с узором пейсли, который каким-то образом оказался в ее узкой кровати в крошечной съемной комнатке после четырех лет учебы

в колледже. Красавец? Да кем она себя возомнила — Джейн Эйр? Не будь ребенком. Будь разумной. Не увлекайся.

Она взяла сигарету у него из пальцев.

— А я могу представить тебя в сорок, — произнесла она с ноткой злорадства. — Так и вижу, прямо сейчас.

Он улыбнулся, не открывая глаз:

— Так расскажи.

— Ладно... — Она поерзала на кровати, натягивая одеяло до подмышек. — Ты едешь в спортивной машине с опущенным верхом где-нибудь в Кенсингтоне, или в Челси, или в подобном районе, и что самое удивительное в этой тачке, так это то, что она совершенно бесшумна. Потому что в... каком там году? в две тысячи шестом?.. все тачки станут абсолютно бесшумными.

Он нахмурил лоб, подсчитывая в уме:

— В две тысячи четвертом.

— Она летит по Кингс-роуд в шести дюймах над землей, и под обтянутым кожей рулем у тебя маленькое брюшко — оно как маленькая подушка, — а на руках перчатки без пальцев. Волосы твои редеют, у тебя двойной подбородок. Большой человек в маленькой машине, загорелый, как жареная индейка...

— Может, поговорим о чем-нибудь другом?

— А рядом с тобой женщина в солнцезащитных очках — твоя третья, нет, четвертая жена. Очень красивая, модель... хотя нет, бывшая модель, ей двадцать три. Ты познакомился с ней на автосалоне в Ницце, где она возлежала на капоте автомобиля. Она красивая и тупая как пробка...

— Мило. А дети у меня есть?

— Нет, только три бывшие жены. Пятница, июль, и ты направляешься в свой загородный дом. В крошечном багажнике летающей машины — теннисные ракетки, крокетные молотки и корзина для

пикника, наполненная дорогим вином, южноафриканским виноградом, бедными маленькими перепелками и спаржей. Ветерок развеивает твой редущий хохолок, и ты чувствуешь себя очень, очень довольным собой. Номер три или четыре улыбается, ослепляя тебя блеском белоснежных зубов, и ты улыбаешься в ответ, стараясь не думать о том, что вам не о чем, абсолютно не о чем поговорить. — Она резко замолчала. Вот ненормальная, сказала она про себя. Разве можно нести такой бред? — Хотя, если тебя это утешит, задолго до этого мы все умрем в ядерной войне! — беззаботно добавила она, но он по-прежнему смотрел на нее хмуро.

— Может, я тогда пойду? Раз я такой пустой и аморальный...

— Нет, не уходи, — слишком поспешно отреагировала она. — Четыре утра на дворе.

Он съехал вниз по спинке кровати, пока его лицо не оказалось совсем близко от ее лица.

— И откуда у тебя такое мнение обо мне, ведь ты меня почти не знаешь.

— Но знаю твой тип.

— Тип?

— Видала я таких, как вы. Ошиваетесь на факультете современного языкознания и рисуетесь друг перед другом, устраиваете приемы в смокингах с черным галстуком-бабочкой...

— У меня даже смокинга нет. И ни перед кем я не рисуюсь...

— Ходите на яхтах по Средиземному морю и тому подобное...

Он положил руку ей на бедро:

— Если я так ужасен...

— Так оно и есть.

— ...почему ты тогда со мной спишь? — Он погладил теплую мягкую плоть ее бедра.

— Вообще-то, я с тобой не спала, тебе не кажется?

— Зависит от того, что понимать под этим словом. — Он наклонился и поцеловал ее. — Дай свое определение. — Он провел рукой по ее позвоночнику, а ногой раздвинул ее ноги.

— Кстати, — прошептала она, прикоснувшись губами к его губам и теснее прижимаясь к нему.

— Что?

— Тебе бы зубы почистить не мешало.

— Я же разрешаю тебе не чистить.

— От тебя ужасно воняет, — сказала она сквозь смех. — Вином и сигаретами.

— Ах так? От тебя тоже.

Она отстранилась, прервав поцелуй:

— Правда?

— Я не против. Люблю вино и сигареты.

— Я сейчас. — Она, откинув одеяло, перелезла через него.

— Куда это ты? — Он коснулся ее голой спины.

— В сортир. — Она взяла очки, лежавшие на стопке книг у кровати: стандартная модель, в большой черной оправе.

— Сортир... сортир... Прости, я не знаком с местным жаргоном...

Она встала, прикрыв рукой грудь, осторожно, чтобы он видел только ее спину.

— Не уходи, — произнесла она, выходя из комнаты и поддев резинки трусов двумя пальцами, чтобы расправить ткань на ягодицах. — И не безобразничай тут без меня.

Выпустив дым через ноздри, он сел на кровати, оглядывая бедную съемную комнату и зная с абсолютной уверенностью, что где-то там, среди открыток из музеев и копий афиш остросоциальных пьес, наверняка найдется фотография Нельсона Манделы, который представляется ей кем-то вроде идеального бойфренда. За последние четыре года, проведенные в этом городе, он повидал немало таких спален,

разбросанных по городу, как места преступлений. В этих комнатах альбом Нины Симон¹ всегда находился от тебя не больше чем в шести футах, и хотя он, Декстер, редко бывал в каждой из спален дважды, все они были похожи одна на другую. Догоревшие свечи и засохшие цветы в горшках, запах стирального порошка от дешевых простыней не по размеру кровати. У хозяйки этой комнаты тоже была страсть к фотомонтажу, как и у всех девчонок, считавших себя ценителями искусства: пересвеченные снимки подружек по колледжу и родных соседствовали здесь с репродукциями картин Шагала, Вермеера и Кандинского, с портретами Че Гевары, Вуди Аллена и Сэмюэла Беккета. Здесь ничего не было нейтральным, все свидетельствовало о предпочтениях и социальной позиции. Эта спальня была манифестом, и Декстер со вздохом понял, что ее хозяйка — одна из тех, для кого слово «буржуазный» является ругательством. И хотя он мог понять, почему слово «фашист» имеет негативный смысл, ему нравилось понятие «буржуазный» и все, что оно за собой влечет. Уверенность в завтрашнем дне, путешествия, вкусная еда, хорошие манеры, амбиции. В самом деле, за что ему извиняться?

Он залюбовался колечками дыма, которые выпускал изо рта. Нащупывая пепельницу на краю кровати, наткнулся на книгу. «Невыносимая легкость бытия»; в «эротических» местах корешок погнулся. Вот в чем проблема этих девчонок, считающих себя яркими индивидуальностями: все они на одно лицо. Еще одна книга — «Человек, который принял жену за шляпу». Идиот, подумал Декстер, уверенный, что сам никогда не сделает такую ошибку.

Двадцатитрехлетний Декстер Мэйхью знал о своем будущем не больше, чем Эмма Морли. Хотя он

---

¹ *Нина Симон* (1933–2003) — американская певица, пианистка, автор песен. — *Здесь и далее примеч. перев.*

и надеялся добиться успеха, стать гордостью своих родителей и спать одновременно более чем с одной женщиной, но не совсем понимал, как все это совместить. Он мечтал, что о нем напишут в журналах и однажды кто-нибудь где-нибудь проведет ретроспективный анализ его работ, однако не имел ни малейшего понятия о том, что это будут за работы. Он жаждал экстремальных ощущений, но без осложнений и неприятностей. Ему хотелось жить так, чтобы даже случайно сделанная фотография оказывалась удачной. Его жизнь должна выглядеть успешной. Веселой. Точно, в ней должно быть много веселья и не больше печали, чем совершенно необходимо.

Эти представления не слишком походили на план, и Декстер уже успел наделать ошибок. Вот, к примеру, сегодняшняя ночь наверняка будет иметь последствия: слезы, тягостные телефонные звонки и обвинения. Пожалуй, надо бы сматываться отсюда как можно скорее. Приготовившись бежать, он оглядел комнату в поисках своей разбросанной одежды. Но из ванной донесся предупреждающий рокот допотопного бачка, и Декстер торопливо вернул книгу на место, нащупав под кроватью желтую баночку из-под горчицы. Открыв ее, он обнаружил внутри презервативы и жалкие серые остатки косячка, похожие на мышинные какашки. Увидев, что маленькая желтая баночка сулит заманчивые перспективы — не только заняться сексом, но и дунуть, — Декстер снова преисполнился надежды и решил: пожалуй, можно и задержаться.

Тем временем в ванной Эмма Морли вытерла остатки зубной пасты с губ и подумала: не было ли все случившееся ужасной ошибкой? После четырех лет пребывания в колледже, совершенно бесплодных в романтическом отношении, наконец оказаться в постели с парнем, который ей действительно

правился, причем с тех пор, как она впервые увидела его на вечеринке в 1984 году, — и через пару часов он уезжает! Возможно, навсегда. Ведь вряд ли он попросит ее отправиться с ним в Китай, да и в любом случае она бойкотирует Китай. И ведь он ничего, да? Декстер Мэйхью. По правде сказать, она подозревала, что он не так уж умен и, пожалуй, излишне самодоволен, но зато он популярный, смешной и, что уж говорить, настоящий красавчик. Так откуда взялся этот сарказм и ворчливость? Почему она не может вести себя уверенно и смеяться, как те глянцево-попрыгушки, с которыми он вечно заводится? Рассветное солнце просочилось в крошечное окошко ванной. Отрезвило ее. Расправив ужасно спутанные пряди кончиками пальцев, она поморщилась и, дернув за цепочку устарелого сливного бачка, пошла в комнату.

С кровати Декстер наблюдал, как она появилась в дверях. На ней была мантия и квадратная шапочка с кисточкой: выпускников заставили взять их напрокат для церемонии вручения дипломов. Подражая обольстительным красоткам, она обняла ногой дверной косяк. Глядя на Декстера поверх очков, нагнула шапочку на один глаз:

— Ну как?

— Тебе идет. И мне нравится шапочка набекрень. А теперь снимай ее и иди в кровать.

— Еще чего! Я отдала тридцать монет за этот наряд. Надо же получить хоть что-то за свои деньги. — Она приблизилась к нему и взмахнула полами мантии, как вампирским плащом.

Декстер попытался схватить край мантии, но Эмма швырнула в него свернутым дипломом и села на край кровати, сняв очки и сбросив церемониальное облачение. Он лишь мельком увидел ее голую спину и округлости груди, прежде чем те исчезли под

черной футболкой с надписью о необходимости немедленного всеобщего ядерного разоружения. Вот и все, подумал он. Нет ничего менее сексуального, чем длинная черная футболка с политическим лозунгом — разве что альбом Трейси Чепмен¹.

В расстроенных чувствах он поднял с пола ее диплом, снял тонкую резинку, скреплявшую сверток.

— Английский язык и история, лучшая выпускница.

— Читай и рыдай, троечник. — Она выхватила у него диплом. — Эй, осторожнее!

— Вставишь в рамку?

— Да, мои предки его размножат и оклеят все стены как обоями. — Она туго свернула диплом в трубку, постучав по концам. — Заламинируют и будут использовать как подставки под тарелки. А мама сделает себе такую татуировку на спине. — Она сунула диплом под кровать.

— А кстати, где твои родители?

— О, они живут по соседству.

— О боже, правда? — Он вздрогнул.

— На самом деле, нет, — засмеялась она. — Они вернулись в Лидс. Папа считает, что отели предназначены для богатеньких. — Ну-ка, подвинься! — добавила она, подтолкнув его на самый край кровати.

Он освободил ей место, с некоторой неловкостью обнял ее за плечи и неуверенно поцеловал в шею. Она повернулась и посмотрела на него, натянув одеяло до подбородка:

— Декс?

— Угу?

---

¹ *Трейси Чепмен* — американская певица, которая сама пишет для себя песни, зачастую на острые социальные темы. Активно выступает за гражданское и гендерное равенство, соблюдение прав человека во всем мире. Оказала огромное влияние на студенчество конца 1980-х годов.

— Давай просто пообнимаемся, ладно?

— Конечно. Если ты этого хочешь, — ответил он, как и полагается истинному джентльмену, хотя, по правде говоря, никогда не понимал, какой смысл лежать и просто обниматься.

Обниматься надо со старыми тетушками и плюшевыми мишками. Его лично тошнило от этих нежностей. Пожалуй, пора признать свое поражение и как можно скорее убраться отсюда... но она уже собственнически устроилась на его плече, и какое-то время они так и лежали — неподвижно, смущаясь. Наконец она произнесла:

— Не могу поверить, что я предложила пообниматься. Черт, пообниматься! Извини.

— Ничего, — улыбнулся он. — Хорошо хоть не *пообжиматься*.

— Пообжиматься — куда уж хуже.

— Или потискаться.

— Какой кошмар! Давай пообещаем друг другу, что никогда не будем тискаться, — сказала она и тут же об этом пожалела.

Чтобы она и он тискались? Вряд ли это когда-нибудь случится. Они снова на некоторое время замолчали. Восемь последних часов они болтали и целовались, и теперь оба испытывали непреодолимую усталость во всем теле, которая приходит на рассвете. В заросшем саду запели дрозды.

— Люблю этот звук, — проговорил он, уткнувшись в ее волосы. — Дрозды на рассвете.

— А я ненавижу. Когда слышу его, мне почему-то кажется, что я сделала что-то, о чем пожалею.

— Потому этот звук мне и нравится, — сказал он, снова пытаясь поразить ее своей мрачной харизмой, а через минуту добавил: — А ты сделала?

— Что?

— То, о чем жалеешь?

— Ты имеешь в виду это? — Она сжала его руку. — Наверное. Пока не знаю, правда. Спроси меня утром. А ты жалеешь?

Он прижался губами к ее затылку.

— Нет, конечно, — ответил он, а сам подумал: это никогда, никогда не должно повториться.

Довольная его ответом, она придвинулась ближе:

— Надо поспать.

— Зачем? Днем нет никаких дел. Ни заданий, ни работы...

— Перед нами только вся жизнь, такая длинная, — сонно пробормотала она, вдыхая чудесный теплый запах его невымытого тела и в то же время ощущая тревожную дрожь, пробравшую ее при мысли о самостоятельной взрослой жизни.

Эмма вовсе не чувствовала себя взрослой. Не была к этому готова. У нее было такое чувство, будто посреди ночи вдруг сработала пожарная тревога и она выбежала на улицу, схватив в охапку одежду. Если учиться больше не нужно, что же делать? Чем заполнить дни? Она не знала.

Весь секрет в том, успокаивала она себя, чтобы быть смелой и храброй и делать что-нибудь значимое. Нет, не изменить мир, но хотя бы изменить кусочек мира вокруг себя. Начать самостоятельную жизнь, вооружившись дипломом с отличием, вдохновением и новой электрической печатной машинкой «Смит корона», и с усердием взяться... за что-нибудь. Менять жизнь людей посредством искусства. Писать красивые книги. Любить своих друзей, быть верной принципам, жить вдохновенно, на полную катушку, жить хорошо. Делать новые открытия. Любить и быть любимой, если такое возможно. Правильно питаться. И все такое.

Не слишком похоже на жизненную философию, тем более на ту, которой можно поделиться, особенно с таким парнем, как Декстер, но она в это верила.

И первые часы независимой взрослой жизни ей пока нравились. Возможно, утром, выпив чая и аспирина, она даже наберется смелости и пригласит его вернуться в постель. К тому времени они оба протрезвеют, отчего, конечно, не станет легче, но, по крайней мере, происходящее может ей даже понравиться. Те несколько раз, когда она была в постели с парнем, все всегда заканчивалось смехом или слезами, а было бы неплохо хоть раз попробовать обойтись без этих крайностей. Интересно, остались ли в банке из-под горчицы презервативы? Хотя куда им деться, ведь в последний раз, когда она туда заглядывала, их было еще полно, а было это в феврале 1987-го, с Винсом с инженерно-химического. У него была волосатая спина, и он высморкался в ее наволочку. Счастливые дни...

На улице совсем посветлело. Сквозь плотные зимние шторы, прилагавшиеся к съемной квартире, Декстер увидел розовый свет нового дня. Осторожно, чтобы не разбудить ее, он протянул руку, затушил окурок в кружке с вином и устремил взор в потолок. Успнуть уже не получится. Вместо этого он решил разглядывать узоры на сером постельном белье, пока она крепко не заснет, а потом тихонько ускользнуть, не потревожив ее сон.

Если он сейчас уйдет, это, конечно же, будет означать, что они никогда больше не увидятся. Интересно, захочет ли она увидеть его снова? Наверное, да, ведь все девчонки обычно этого хотели. Но захочет ли *она* увидеть ее? Последние четыре года он прекрасно без нее обходился. До прошлой ночи вовсе думал, что зовут ее Анна. И все же на вечеринке не мог отвести глаз. Почему он раньше ее не замечал? Она спала, а он разглядывал ее лицо.

Она была красавицей, но казалось, ее это раздражало. Рыжие крашеные волосы были словно нароч-

но плохо пострижены — наверняка сама постриглась перед зеркалом или это работа Тилли, или как ее там, горластой толстухи, с которой она вместе снимала квартиру. Кожа бледная, лицо припухло, потому что слишком много времени сидит в библиотеке и пьет слишком много пива в пабах. Очки делали ее похожей на недовольную сову. Подбородок мягкий и слегка оплывший, хотя, наверное, это детский жирок. Или на словосочетание «детский жирок» тоже принято обижаться? И не стоит говорить, что у нее потрясающая грудь, даже если это правда, — обидится.

Хватит про грудь, вернемся к лицу. Кончик ее маленького аккуратного носа слегка лоснился, а на лбу виднелась россыпь мелких красных прыщей, однако, не считая этого, никто не стал бы отрицать, что лицо это... лицо это было просто замечательным. Глаза ее были закрыты, и он понял, что не может вспомнить их цвет — помнит только, что они большие, ясные, смешливые, как и две морщинки в уголках ее широкого рта, как две скобки, которые углублялись, когда она улыбалась, а случалось это довольно часто. Гладкие розовые щеки в веснушках, похожие на подушечки и на ощупь наверняка теплые. Ненакрашенные, но красные сами по себе мягкие губы. Она держала их крепко сжатыми, когда улыбалась, словно не хотела обнажать крупноватые для ее рта зубы; к тому же один из резцов был слегка надколот. При этом возникало впечатление, что она что-то утаивает: смех, умное замечание или невероятно смешную шутку.

Если он сейчас уйдет, то наверняка никогда больше не увидит это лицо, разве что во время кошмарной встречи выпускников через десять лет. Она придет на встречу располневшей, разочаровавшейся в жизни и начнет ворчать, что он тогда улизнул, даже

не попрощавшись. Поэтому лучше уйти тихо и не ходить на эти встречи. Надо двигаться дальше, думать о будущем. Там, в будущем, будет еще много разных лиц.

Но когда он уже решил вставать, губы ее вдруг дрогнули и растянулись в широкую улыбку, и, не открывая глаз, она сказала:

— Так что ты думаешь, Декс?

— О чем, Эм?

— О нас. По-твоему, это настоящая любовь? — спросила она и тихо рассмеялась, крепко сжав губы.

— Ты не можешь просто уснуть, да?

— Нет, когда ты пялишься на мой нос. — Она открыла глаза: зелено-голубые, ясные и умные. — Что у нас завтра? — пробормотала она.

— Ты имеешь в виду сегодня?

— Да, сегодня. Что за чудесный новый день нас ждет?

— Суббота. Выходной. День святого Свитуна, между прочим.

— И что это за день?

— Есть примета такая. Если сегодня пойдет дождь, то он будет длиться следующие сорок дней или все лето, точно не помню.

— Не понимаю, — нахмурилась она.

— И не надо. Это просто поверье.

— Где будет дождь? Где-нибудь он всегда идет.

— На могиле святого Свитуна. Он похоронен в Винчестерском соборе.

— Откуда ты столько о нем знаешь? — проговорила она, уткнувшись в подушку.

— Ходил в школу Святого Свитуна.

— Ах да.

— «Как на Свитуна дожди, что-то там... та-та... не жди».

— Красивый стишок.

— Ну я его до конца не помню.

Она снова засмеялась и сонно оторвала голову от подушки:

— Но, Декс...

— Да?

— Если сегодня все-таки не пойдет дождь...

— Угу...

— Что ты будешь делать потом?

Скажи, что занят.

— Да ничего особенного, — ответил он.

— Тогда, может, что-нибудь придумаем? Вместе, я имею в виду.

Подожди, пока она не уснет, и потихоньку смойся отсюда.

— Да, конечно, — сказал он, кивая. — Давай что-нибудь придумаем.

Она снова опустила голову на подушку.

— Новый день, — пробормотала она.

— Новый день.

Николс Д.

Н 63   Один день : роман / Дэвид Николс ; пер. с англ. Ю. Змеевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 544 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-17369-9

15 июля 1988 года. Декстер и Эмма познакомились на выпускном вечере. Они проводят вместе один день. Между ними зарождаются романтические отношения, однако они решают остаться просто друзьями, ведь каждый собирается идти по жизни своим путем. Эмма мечтает стать писателем, но первые годы работает официанткой. Декстер, которого не волнуют финансовые проблемы, начинает карьеру телеведущего. Почти каждый год они встречаются именно 15 июля, но боятся признаться себе в том, что чувствуют друг к другу симпатию, бóльшую, чем дружеская.

Что произойдет с ними через год? А через два? Через три, семь... двадцать?

Роман Дэвида Николса — одновременно грустная и смешная, трогательная и светлая история о любви.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДЭВИД НИКОЛС
ОДИН ДЕНЬ

Ответственный редактор Ольга Рейнгверц
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Валентина Гончар, Юлия Теплова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 15.11.2019. Формат издания 84 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 26,52. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

И-АВА-25888-01-R